

И. П. МЕДВЕДЕВ

ЛЕВ АЛЛЯЦИЙ О ВИЗАНТИЙСКИХ ХРОНОГРАФАХ

Имя Льва Алляция (Allacci — итальянская адаптация греческого Ἀλάτζης), знаменитого эллиниста XVII в. (1588—1669), хорошо известно специалистам¹. Уроженец Хиоса, он рано был увезен в Италию, в 1597 г. поступил в греческую коллегию св. Афанасия в Риме, позднее стал хранителем Ватиканской библиотеки, а в 1660 г. унаследовал от Луки Голстения должность ее Главного библиотекаря. Прекрасный знаток античной и патристической классики, Алляций много сделал также и для изучения византийских авторов. Его работы, посвященные проблеме омонимов, представлявшие собой своеобразные каталоги византийских авторов, носивших одно и то же имя — Пселлов, Георгиев, Симеонов, Нилов, Никит, Филонов, Феодоров, — с указанием рукописей с их сочинениями, до сих пор не потеряли своего значения²; им впервые была издана с латинским переводом полная редакция хроники Георгия Акрополита (Париж, 1651) и т. д. Богатый и до сих пор недостаточно изученный архив Алляция (Carte Allacciane) полностью хранится в римской Biblioteca Vallicelliana³, но значительная часть его (187 единиц хранения) была в свое время приобретена академиком Н. П. Лихачевым, в составе коллекции которого она и хранится в настоящее время в собрании западноевропейской секции Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (картаны 3 и 4). Нами подготовлен детальный разбор этой части архива Алляция, который будет опубликован в другом месте. Здесь же нам хотелось бы познакомить исследователей только с двумя письмами Алляция (90/4 — 6 листов, без пагинации, и 92/4 — тоже 6 листов), адресованных

¹ О нем см.: *S. Gradi. Vita.* — In: *A. Mai. Novae Patrum Bibliothecae*, VI, 2. Romae, 1853, p. V—XXVIII; *L. Crasso. Elogii d'huomini letterati.* Venezia, 1666, p. 397—404; *A. Fabricius. Catalogus operum L. Allatii.* Hamburg, 1721; *Notizie di Leone Allacci col catalogo delle sue opere insieme con cinque lettere scritte da lui al Antonio Magliabechi.* — In: *A. Calogerà. Raccolta d'opuscoli scientifiche e filologici*, XXX. Venezia, 1744, p. 265—290; *De Meester. Leone Allazio alunno del pontificio Collegio Greco di Roma ed i suoi scritti in relazione con Roma.* — «Atti del V Congresso naz. di studi romani», V. Roma, 1946, p. 361—366; *G. Manacorda. L'Allacci e l'«Italia sacra» dell' Ughelli.* — «Studi storici», XII, 1903, p. 453—466; *C. Mazzi. L'Allacci e la Palatina di Heidelberg.* Bologna, 1893; *Dizionario biografico degli italiani*, v. 2. Roma, 1960, p. 467—471; *C. Jacono. Bibliografia di Leone Allacci (1588—1669).* Palermo, 1962; *V. Rotolo. L. Allacci.* — In: *Dizionario critico della letteratura italiana*, vol. I. Torino, 1973, p. 59—61; *S. G. Mercati. Δημοτικά κείμενα ἐκ τῶν χειρογράφων τοῦ Ἀλλάτιου.* — «Παρνασσός», 15, 1973, σ. 489—498.

² De Psellis. Romae, 1634; De Georgiis. Parisiis, 1651; De Simeonibus. Parisiis, 1664; De Nilis. Romae, 1668; Tres grandes dissertaciones de Nicetis, de Philonibus et de Theodoris. — In: *A. Mai. Novae Patrum Bibliothecae*, VI, 2, p. 1—202.

³ Суммарную и далеко не полную характеристику бумаг Алляция см.: *G. Martini. Catalogo dei manoscritti greci esistenti nelle biblioteche italiane*, vol. II. Milano, 1902, p. 201—233. Ср. *A. Berthelot. Rapport sur les manuscrits alchimiques de Rome.* — «Archives des missions scientifiques et littéraires», sér. 3, XIII, 1887, p. 850—856; *C. Mazzi. Tre epistolari nella Vallicelliana di Roma.* — «Rivista delle biblioteche», II, 1889, p. 103—112; *G. Manacorda. Dai carteggi Allacciani. Note bibliografiche.* — «La Bibliofilia», III (1901—1902), p. 213—231, 298—300; 382—387; IV (1902—1903), p. 37—42, 157—167, 242—249.

Антонио Караччоли и сохранившихся, правда, в непринадлежащих перу самого Алляция копиях (в правом верхнем углу первого листа второго из упомянутых писем есть помета: *è stata ricopiata: era scritta da Leone Allaci al P. D. Antonio Caraccioli il 3. Luglio 1626*). Написанные по-итальянски, эти письма Алляция не представляют труда для чтения, но достаточно неудобны для перевода их на русский язык. Поэтому предлагаемый перевод не претендует на передачу стиля Алляция (даже обращение V. P., т. е. *Vostra Paternità*, мы передаем современным «Вы»). Что касается содержания писем, то и здесь мы ограничимся самой общей их характеристикой, предоставляя специалистам судить о том, насколько ценны содержащиеся в них сведения.

В своих письмах Алляций дает Караччоли, обратившемуся к нему за консультацией, разъяснения по поводу некоторых византийских хронистов и высказывает в связи с этим любопытные соображения о манере работы последних. Так, рассматривая вопрос о том, является ли Георгий Кодин автором одной константинопольской хроники (*Cronico Costantinopolitano*), Алляций формулирует свое принципиальное понимание этого в следующих словах: «Было много одноименных авторов, которые писали „Историю Константинополя“ (*Istorie Costantinopolitane*), или, говоря вернее, было много людей, носивших одно и то же имя, которые переписывали друг у друга подобную «Историю», и если они и изменяли в ней что-то, то суть этой «Истории» оставалась у всех одной, а часто даже одни и те же слова и выражения, что, впрочем, имело место и у других историков, различающихся по имени, насколько можно понять из Зонары, Кедрина и других, которые больше обращали внимание на то, чтобы переписывать, чем сочинять (*hanno atteso più à copiare, che à componere*). Во втором из указанных писем Алляций, жалуясь на недоступность для него рукописи с сочинением Феодора Гераклийского, находившейся в частной *Biblioteca Altampsiana*, пишет, что великим несчастьем (*grande infelicità*) его времени, которое можно сравнить разве только с каким-нибудь варварским, «являются сокровище и утайка» (*occultar e tener nascosti*) подобных сокровищ, приносящие столько вреда почтенной публике, и с возмущением обрушивается на «так называемых *βιβλιογράφοι*». Попутно Алляций исправляет многочисленные ляпсусы и ошибки, допущенные в более ранних и современных ему изданиях и описаниях сочинений византийских хронистов.

Конечно, многие из проблем византийской хронографии, волновавших Алляция и других западноевропейских эрудитов его времени, уже решены наукой, но некоторые его наблюдения, на наш взгляд, еще нуждаются в проверке. Интересно, например, указание Алляция на сочинение Исихия Милетского (VI в.), известного прозвищем *Ἰλλούστριος*, как на источник анонимного сочинения *Περὶ τῆς οἰκοδομῆς τοῦ ναοῦ τῆς ἁγίας Σοφίας*, хотя еще Крумбахер считал, что последнее «носит легендарный характер и, очевидно, восходит к какому-то совершенно неграмотному, народному источнику (*ungelehrte, volksmässige Quelle*)⁴. Как бы то ни было, данные письма Алляция, если даже не сообщают специалистам ничего существенно нового о византийской хронографии, любопытны уже тем, что отражают уровень знаний о ней в первой трети XVII в. и характеризуют взгляды самого Алляция по этому вопросу. Приводим текст писем.

I

Molto rev(eren)do Padre mio Oss°

Mi par cosa difficile da provarsi, che questo suo Cronico Costantinopolitano sia di Georgio Codino ancorchè il suo amico sia di questa opinione et acciò V. P. si possa meglio risolvere intorno quello, che ha da tenere,

⁴ К. Крумбахер. *Geschichte der byzantinischen Litteratur*. München, 1897, S. 423.

meterò alcuni miei mottivi. Sono stati più autori dell'istesso nome, che hanno scritto l'Istorie Costantinopolitane o, per dir meglio, sono statte più persone dell'istesso nome, che hanno copiato l'uno dall'altro simile Istoria, perchè se bene variano in qualche cosa, l'essenziale dell'Istoria é uno appresso tutti, e molte volte sono l'istesse, e le parole e la struttura dell'oratione. Cosa successa alli altri storici ancora di nome diverso, come si può raccogliere da Zonara e Cedreno, ed altri, dei quali molti hanno atteso più à copiare, che à componere. Li furti dei quali alla più saranno noti se si stampasse qualche volta l'Istoria di Giovanni Siculo, o Schilitze, o vero di Georgio Syngello, o di Giulio Polluce, o Gio(vanni) Antiocheno. Quest'anni addietro a Leyda si stampò un Cronico Costantinopolitano di Georgio Logotheta Acropolita greco latino, ma questo solo contiene l'Istorie dei tempi ultimi, intanto, che non puole essere questo suo, che incomincia da Costantino, oltre che tiene diversa maniera nel scrivere. Sotto qual nome di Georgio Logotheta vi è uno Cronico nella Biblioteca Augustiana, qual contiene l'istorie del principio del mondo insino ad'Heracloa figlio d'Heraclio come si vede nel Plut. s. n. 37: Georgii monachi Logothetae Syngeli Chronicon breve ex diversis chronographis et interpretibus collectum, continens historias ab exordio mundi usque ad Heraclonem Heraclii filium MS. graece, dove per adesso avvertisca il nome di Syncello. Jacomo Pontano stampò solo latino e mutilatò il Cronico di Georgio Phranze che, se ben m'arricordo altre volte, V. P. ne fece non sò che diligenza, il quale è di tempi bassi, nè l'istoria sua sarà mai conforme col suo Georgio. Vi è un altro Georgio Cyprio, da altri detto Gregorio Patriarca Costantinopolitano, scrisse ancora lui non sò che Istorie di quella città, ne sò, che siano stampate e totalmente diversissime da queste sue. Il primo e principale fra tutti è, del quale n'espressa memoria apresso gli autori è Georgio Sincello, il quale scrisse l'Istoria di Constantinopoli dal principio del Mondo insino, se mal non m'arricordo, a Gratiano. Gesnero ne fa mentione: Georgii Sincelli Istoriae ab Adamo ad Alexium Comnenum graece extant Romae in Vaticana et Viennae manuscripta in Bibliotheca Imperatoris, le quali parole ripete Braudio nella sua Bibliotheca Classica, dove bisogna avvertire l'errore di questi doi scrittori, li quali attribuiscono l'opera di Theophane monaco a Georgio. Poichè se bene è vero, che detta Istoria l'incominciasse il Sincello per la morte non la fini e la continuò Theophane. Secondo, che si vede chiaramente in detta Istoria nel prologo del continuatore, dalla quale Istoria io tengo sicuro, che sia stata copiata l'istoria, che ella hà, e l'authore mutando qualche cosa nelle parole sel'habbia fatta sua, supplendo però dove essi mancano da altri autori. E che questo sia vero si fa manifestissimo dal capitolo, che io li manderò. Che se nel resto procedesse così, non puol essere tale notizia buono autore pigliando quello, che hà da Syncello ottenuto, e approvatissimo da tutti à dispetto di Giosepho Scaligero, e di simile altra Canaglia, che cercano sempre honorarsi col detrahere ad'altri. Questa Istoria sa tradusse in lingua latina Anastasio Bibliothecario non assai perfetta et è l'istessa, che communemente si chiama Istoria Ecclesiastica Anastasii Bibliothecarii, diversa dall'Istoria de Pontefici dell'istesso autore, se quella che si come l'accennai nella passata si stà stampando in Parigi, non sò se con nova traduzione, che sarebbe necessaria, ò pure col quella di Anastasio. Oltre questi vi è quest'altro Georgio Seco, che, se non m'inganno, e quello del quale ne fa mentione il Gesnero: Georgii cujusdam graeci monachi Istoria temporum sive Cronica a condito mundo usque ad regnum Nicephori Botaniate extant manuscripta Venetiis in Bibliotheca SS. Ioannis et Pauli, et apud Diegum Hurtadam Caesaris legatum ibidem. Né si deve maravigliare che Gesnero dica «ab exordio mundi», perchè è suo solito di poche volte tochar il vero. Se però non vogliamo dire, che questa sua sia manca, e che la prima parte del principio del mondo insin a Costantino sia perta, ò lo scrittore non habbi voluto pigliar tanto fastidio in copiarlo. E per dirli una cosa

quasi, che in sogno, per il tempo lungo corso fra mezzo et, per non havere applicato all' hora, saranno da tredici anni incirca, mentre ero a Scio, vendendomi occasione di parlare con quella gente delle ribaldarie di Photio, che loro tengono in gran conto, non valendomi authori latini come sospetti, m'arricordai, che di lui ne diceva male Costantino Manasse nella sua Istoria, per buona sorte io me lo trovava manuscritto, che stampato almeno in greco non m'arricordo che fosse allora, trovo il luogo lo mostro, un'altro della mia Natione mi disse, che haveva un storico, che pur diceva l'istesso, ad istanza mia lo portò in quel luogo et si trovò. Io volsi vedere, chi era quello autore e, considerando le cose, che trattava, trovai, ch'era l'istesso che Manasse, differiva però che Manasse era in verso e lingua buona, quello era in prosa e mezzo barbaro, vedo dal principio il libro era scritto Γεωργίου τοῦ Κωδινού et incominciava come Manasse dal principio del mondo e finiva come quello nell'Imperio di Niceforo Botaniata. Per esser scorso tanto tempo non posso affermar per certo il nome dell'Autore, ma mi pare, che fosse così e per venir più al particolare del Codino, deve sapere, che l'autore è buono et è tenuto di stima, poichè tutto quello, che dice, l'hà tolto da buoni autori. Se bene la lingua è barbara assai, questi è citato sotto nome di Curopalate per l'ufficio, e dignità in che era e non ch'è li fosse nome proprio come sciochamente s'imaginò Nadabo Agmonio. Questi è quello, che scrisse De officiis Palatii Costantinopolitani, stampato più volte con l'interpretazione del detto Agmonio e di Francesco Junio. E quì si nota un'altro errore del Braudio mentre scrive «Nadabus Agmonius scripsit De officiis in Aula Imperatorum graecorum», poichè non scrisse de officiis, ma interpretò solamente questo Codino sotto nome di Curopalate. Scrisse Codino un'altra operetta che l'intitolò Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως. Dove vi è congiunto ancora il trattatello «De edificio S. Sophiae» stampato dal Comellino greco latino col'interpret(azione) di Georgio Dousa. È vero, che la maggior parte di quello trattato, et in particolare quello che concerne all'antiquità, l'hà tolto di peso da Hesichio Illustrio, sicome credo, che il resto l'abbia tolto da altri, ma già di sopra ho detto, che questo autore è solito copiare. Di questo libro, ne fece menzione Gesnero in quelle parole: Georgii Costantini Πάτρια Constantinopolis et liber de Sapientia graece servatur apud Diegum Hurtadum. Dove si deve correggere quello Costantini in Costantinopolitani et avvertir, che il libro de Sapientia non è altro, che il trattato De edificio S. Sophiae. Mi viene notificato che il libro de officiis sia ristampato di nuovo in Germania con l'annotazioni di non sò che gesuita, io non l'hò visto ancora. Hesichio Illustrio, l'hà stampato il Meursio et aggiunte molte sue annotazioni, ma mi pare d'abusar la cortesia di V. P. contante ciarle, un'altra volta li scriverò quello, che con maggior diligenza hò trovato intorno a questo particolare, e li manderò copia di qualche capitolo del Syn-cello acciò veda, consideri e giudichi. Non hò avuta sorte di trovar queste operette del Codino che li averia mandato, se capitavano l'haverà senz'altro. Mi comandi poi, che io godo mentre m'impiego in servizio di V. P. e mi raccomando alle sue orazioni.

Di Roma l'Anno Santo l'ultimo di Maggio.

Di V. P. molto reverendo

Aff. mo Servitore

Leone Allacio.

II

Molto Reverendo Padre mio in Christo Oss.°

Per finir di sodisfarmi intorno all'opinione mia di Teodoro Heraclense non mi manca altro, che veder un codice di detto autore sopra li salmi, che secondo mi notificano alcuni miei patriotti di scrittori greci, si trova nella Bibliotheca Altempiana e quì in Roma, e già mi sarei chiarito del tutto, ma l'esser inaccessibile quella Bibliotheca. Insino adesso non hò po-

tuto finir d'accosentire, forse con qualche tempo e per mezzo del Padre D. Michele s'arriverà. Grande infelicità de tempi nostri che contrasta con qualsivoglia barbarie, in occultar e tener nascosti simil tesori con tanto pregiudizio del bene publico, e grande disavventura delli scrittori, che doppo scapati tanti e tanti infortunii in mano delli amici peggio trattati, che se fossero statti in mano dell'inimici. Insino adesso non posso capire, che utile ne risulti a sì perniciosi βιβλιογράφοι, per il quale s'habbino da mostrare si tenaci della robba, che non è loro, e del bene, che adessi non può risultare se non vergogna.

Il cronographo suo è assai più gustoso di quello, che io m'ero imaginato, breve nelle sue narrationi e copiosi in molte cose, che non si trovano per tutto e particolarmente in quelle che anno non sò chè di pelegrino, si vede, ch'è una raccolta da molti disposta dal scrittore secondo, che li pareva piu convenevole alli tempi. La lingua è bassa e peggiore in molte luoghi, che non è la tersa volgare, che oggi s'usa nelli paesi della Grecia, dove vi sia qualche civiltà, e molte volte disgustosa, perchè parlando in volgare, affetta il grecismo buono, che a chi poi hà un puocho di naso li stufa non pocho, e li viene ancora per dire così tanto pedantesmo, ma questo tedio l'allegerisse molto la varietà delle cose. Usanza ordinaria etiano di tutti li altri bassi scrittori, che hanno scritto in simil lingua, li quali per uscir dall'ordinario, forse per non li sodisfare la lingua, con la quale si parla, nel scriver si vonno mostrare letterati, e così non scrivono nella lingua nella quale professano di scrivere e strappiano la letera vera, dove non arrivano a usanza di pedanti, che all'ora si tengono in conto però da se stessi, quandochè nel parlare o scrivere introducono qualche parola latina, ò modo di dire, cosa noiosissima a chi li sente. Se però non fossero dette per mover il viso. E questo autore, e meno assai delli altri. Quandoquè meno barbaro, e meno affettato, e dal quale si ponno imparare molte cose in torno alla lingua. E sò dire, che il Meursio, quandochè avesse avuto quest'opera avrebbe arricchito molto più il suo Lessico. Quello, che somamente mi piace è che l'autore è pio, e per quanto si puo conoscere parziale della Chiesa Romana mentre maltratta con parole i nimici di quella come chiaramente si vede nell'Istoria di Photio Patriarca. Adesso dubito più che prima se l'autore è il Codino, perchè mi pare, che il Codino sia più elegante e manco barbaro ancorchè barbaro in'eccesso. Tanto più, che l'aggiunta del trattatello dell'edificazione di S. Sophia stampato altre volte sotto il nome del Codino è diverso in quanto all'elocuzione da questo, sebene in quanto alla sostanza, ordina, e maniera sia l'istesso. Se pure non vogliamo dire, che l'autore l'abbia scritto in più munire, e per l'indotti, e per li dotti cosa, che no la credo. E dubiteria, che quel Georgio posto nel fine sotto nome di scrittore sia ancora l'autore: ἐτελειώθη ὁ παρῶν χρονογράφος εἰς δόξαν θεοῦ διὰ χειρὸς κάμου ἁμαρτωλοῦ Γεωργίου ἐκ τῆς Κωνσταντινουπόλεως διὰ συντρομῆς (nicute manca). Perchè trovo nell'indice Bavarico de manuscritti greci farsi menzione di un Georgio Hamartolo scrittor greco sotto queste parole: Georgii Hamartolo annales breves ex variis scriptoribus collecti ab exordio mundi usque ad imperium Constantini Leonis filii, ed averto, che il cognome di Hamartolo, è mal preso dal fattore dell'Indice significando, peccatore, e così si doveva tradurre, essendo solito di molti di pigliarsi questo epiteto per umiltà, come mi ricordo aver letto Ἰωβίου ἁμαρτωλοῦ περὶ μυστηρίων e così d'altri e si potrebbe dire, che siccome il suo cronico manca in tanti imperatori così ancora sia manchevole in quella parte, che comincia dal principio del mondo, non per mancamento dell'Autore, ma del scrittore, e giachè parliamo di mancamento avverta, che in questo suo sono lasciate le vite di quelli Imperatori, delli quali largamente scrisse la Vita Giovanni Curopalata per sopra nome Schylitza, autore degno e buono, forse che questo non à voluto porre le mani in quella parte di Storia, che Giovanni aveva trattato così esquisitamente, e per concluderla più presto in confondere che in chiarire il negozio, che per

dirli la verità quando più cerco e trovo tanto meno ne sò in queste materie, che non ricapezzeria Apollo Delphico, non sò se lei hà havertito, che questo autore per il più per non dir tutto è Constantino Manasse, tradotto in questa Lingua. E prova, e confronti un puoco, e vedrà esser vero che dico, sono però ancora cose, che in Manasse non si trovano, e quelle poche. Tale però quale egli è questo libro ò col nome del autore ò senza, è degno, che sia visto e letto da tutti l'amatori dell'Istoria, per le cose scritte da me di sopra, et altre, che non è adesso tempo di raccontarle. Questo è quanto li posso dire per adesso, e credo, che a V. P. basterà, perchè col suo giudizio, e pratica nell'Istoria haverà assai più lume in questo negozio, che ne hò io. Però se mi jovenisse altro gli e ne farò parte, e scusi la poca sufficienza, la quale tanto è maggiore, quanto, che non hà quella comodità di libri, che bisognarebbe. Che se bene al Vaticano vi è abbondanza non di meno non omnibus datum est di manegiarli a suo gusto.

Il Sig.^r Cardinale S. Susanna è passato a miglior vita non hà trasferito, se non quatrocento scudi di pensione a tre soli della sua famiglia, alla quale lasciò tre mila scudi da partirsi fra tutti, ecettuatone uno, che non vuole, che manco avesse la quarantena. A una sua Nipote mille scudi per maritarsi. Al nepote trecento scudi per una vice tantum.

Li manuscritti l'hà lasciato al Vaticano.

L'anello cardinalizio legato nella casa, il resto della sua robba alli poveri, e bisognosi e rev(eren)di padri gesuiti, si dice, che li luoghi de Monti ascendono scudi ventiquattro mila. La guardarobba, libreria, la quale era esquisitissima, et altre robbe di casa si dice, che arrivano a trentamila e più. Intanto che veda V. P. con che consolatione e con che scontento debbano hoggi di vivere molti a Roma. Mi racomando alle sue orazioni.

Da Roma li 3. Luglio 1626.

Di V. P. molto reverendo

Aff. mo Servitore

Leone Allacio.

Перевод

I

Мой достопочтенный, многоуважаемый падре.

Мне представляется трудным доказать, что эта Ваша «Константинопольская хроника» принадлежит Георгию Кодину, даже если Ваш друг такого мнения, и чтобы Вы могли лучше принять решение относительно того, какого мнения Вам надлежит придерживаться, я приведу некоторые свои соображения. Было много одноименных авторов, которые писали «Историю Константинополя» или, говоря вернее, было много людей, носивших одно и то же имя, которые переписывали друг у друга подобную «Историю», и если они и изменяли в ней что-то, то суть этой «Истории» оставалась у всех одной, а часто даже одни и те же слова, и выражения, что, впрочем, имело место и у других историков, различающихся по имени, насколько можно понять из Зонары, Кедрина и других, которые больше обращали внимания на то, чтобы переписывать, чем сочинять. Их кражи стали бы более известны, если бы когда-нибудь напечатали «Историю» Иоанна Сицилийца, Скилицы, Георгия Синкелла, Юлия Полидевка, Иоанна Антиохийского. Несколько лет назад в Лейдене напечатали «Константинопольскую хронику» Георгия Логофета Акрополита на греческом и латинском языках, но она содержит только события позднейших времен, так что Ваша хроника, которая начинается с Константина и, кроме того, отличается манерой письма, не может

быть ею. Какая-то хроника, приписываемая Георгию Логофету, хранится в Bibliotheca Augustiana. В ней описываются события с возникновения мира до Ираклона, сына Ираклия, как явствует из *Plut. s. n. 37*: Георгия монаха Logothetae Syngeli Chronicon breve ex diversis chronographis et interpretibus collectum, continens historias ab exordio mundi usque ad Heraclionem Heraclii filium Ms. graece, и в которой пока что обращает на себя внимание имя Синкелла. Жак Понтан напечатал только на латинском языке и в искаженном виде «Хронику» Георгия Франдзи*, которой, если мне не изменяет память, Вы когда-то с таким усердием занимались, но она довольно поздняя, да и история, которая в ней описывается, совсем не соответствует Вашему Георгию. Есть еще один Георгий — Кипрский, называемый некоторыми Григорием, патриархом Константинопольским, который также писал какие-то «Истории» этого города. Насколько мне известно, они уже напечатаны и не имеют ничего общего с Вашей хроникой. Первым и основным из всех авторов, о которых сохранилась память, является Георгий Синкелл, который написал «Историю Константинополя» с начала мира и до, если не изменяет память, Грациана. Геснер** упоминает о ней в таких словах: Georgii Sincelli Istoriae ab Adamo ad Alexium Comnenum graece extant Romae in Vaticana et Viennae manuscripta in Bibliotheca Imperatoris. Эти же слова повторяет Браудио в своей *Bibliotheca Classica*, но нужно предупредить об ошибке у обоих этих авторов, которые приписывают труд Феофана монаха Георгию. Ибо на самом-то деле названная «История» была начата Синкеллом, но из-за смерти не кончена им и продолжена Феофаном. Второе, что ясно видно в названной «Истории» из предисловия продолжателя, которому, как я считаю, наверняка принадлежит «История», — это то, что здесь была переписана как раз та история, которая есть у Вас, причем автор, изменив кое-что в словах, сделал из нее свою, добавив, однако, там, где чего-то не хватало, из других авторов. И то, что это именно так, становится особенно ясным из главы, которую я Вам пошлю. А что и остальное в том же духе, доказывается тем, что эти сведения не могут принадлежать добросовестному автору, присваивающему то, что им получено от Синкелла и что в высшей степени одобряется всеми, вопреки Джузеппе Скалигеро и другим подобным канальям, которые всегда стремятся к почестям, сдирая у других. Эта история, переведенная Анастасием Библиотекарем недостаточно совершенно на латинский язык, и есть та самая, которую обычно называют *Istoria Ecclesiastica Anastasii Bibliothecarii*, отличная от «Истории понтификов» того же автора, и которая, как я уже упомянул мимоходом, печатается в Париже, не знаю, с новым ли переводом, который был бы необходим, или же с переводом Анастасия. Кроме этих, есть еще один Георгий—Seco, который, если не ошибаюсь, как раз тот, о ком упоминает Геснер: Georgii cujsdam graeci monachi Istoriam temporum sive Cronica a condito mundo usque ad regnum Nicephori Botaniate extant manuscripta Venetiis in Bibliotheca SS. Ioannis et Pauli, et apud Diegum Hustadum Caesaris legatum ibidem. И не следует удивляться, что Геснер говорит ab exordio mundi, так как он обычно редко касается истины. Если только не предположить, что эта его часть отсутствует и что вся первая часть от возникновения мира до Константина утеряна или же писец не пожелал обременять себя ее перепиской. Хочу рассказать Вам об одном событии, о котором помню, как во сне, ибо времени с тех пор ушло много, около 13 лет. Во время моего пребывания на Хиосе я имел случай разговаривать с тамошними людьми по по-

* Как известно, «Мемуары» Георгия Сфрандзи впервые были напечатаны Жаком Понтаном в отрывках на латинском языке в виде приложения к его изданию Феофилакты Симокатты (Ingolstadt, 1604).

** Здесь и далее имеется в виду, очевидно, работа знаменитого швейцарского эрудита Геснера (Conrad de Gassner, 1516—1565) «Bibliothèque universelle», v. I—II (Zurich, 1545, 1548), оказавшаяся для нас недоступной.

воду краж Фотия, которого они почитают, не признавая ценности латинских авторов, как вызывающих подозрение. Тогда я вспомнил, что о Фотие плохо отзывался Константин Манасси в своей «Истории», рукопись которой я, к счастью, нашел. Отыскал я и то место и показал его, на что один из моих земляков ответил, что у него был один историк, который говорил то же самое. По моей просьбе он принес рукопись, в которой находилось то место. Мне захотелось узнать, кто был тем автором, и, рассматривая данные, которые тот излагал, я нашел, что они были теми же самыми, что и у Манасси, отличаясь, однако, тем, что сочинение Манасси было написано в стихах и хорошим языком, в то время как этого — в прозе и на полуварварском наречии. В начале книги было написано Γεωργίου τοῦ Κωδινού, и начиналась она, как и у Манасси, с возникновения мира, заканчиваясь, тоже как у него, на царствовании Никифора Вотаниата. По прошествии стольких лет я не могу утверждать наверняка, каким было имя автора, но мне кажется, что оно было именно таким, и чтобы поближе подойти к особенностям Кодина, следует знать, что автор он добросовестный и уважаемый, потому что все, о чем он говорит, взято им у хороших авторов, хотя язык его и довольно варварский. Он упомянут под именем Куропалата из-за должности и чина, которыми он был облечен, а отнюдь не потому, что это было собственным именем, как нелепо вообразил Надабус Агмониус. Это как раз тот автор, который написал *De officiis Palatii Constantinopolitani*, неоднократно публиковавшееся с комментарием названного Агмония и Франциска Юния***. И здесь обнаруживается еще одна ошибка Браудио, когда он пишет: *Nadabus Agmonius scripsit De officiis in Aula Imperatorum graecorum*, ибо он не писал *de officiis*, но только перевел этого Кодина под именем Куропалата. Кодин написал еще одно сочинение, которое он озаглавил Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως. К нему присоединен небольшой трактат *De edificio S. Sophiae*, напечатанный на греческом и латинском языках Комеллино с комментариями Георгия Дузы. Верно, что большая часть этого трактата, и в частности то, что касается античности, украдена им у Исихия Иллюстрия. Впрочем, я считаю, что и остальное он взял у других, но выше я уже сказал, что у этого автора в обычае списывать. Об этой книге Геснер упоминает в таких словах: *Georgii Costantini Πάτρια Constantinopolis et liber de Sapientia graece servatur apud Diegum Hustadum*. Здесь нужно исправить это *Costantini* на *Constantinopolitani* и предупредить, что книга *de Sapientia* есть не что иное, как трактат *De edificio S. Sophiae*. Мне только что сообщили, что книга *de officiis* снова перепечатана в Германии с примечаниями какого-то иезуита, но я ее еще не видел****. Что касается Исихия Иллюстрия, то его опубликовал Меурсий, присоединив много своих примечаний. Но, кажется, я уже злоупотребляю Вашей любезностью со своей болтовней. В другой раз я напишу Вам о том, что, приложив больше старания, нашел, в частности, об этом и пришлю Вам копию какой-нибудь главы Синкелла, чтобы Вы посмотрели, изучили и оценили. Мне не повезло найти те сочинения Кодина, которые Вы прислали; если обнаружатся, то Вы сразу же будете о них знать. Располагайте мною и дальше, я рад оказать Вам услугу и вверить себя Вашим молитвам.

Рим, святой год (1625), последний день мая.

Ваш преданный слуга Леон Алляций.

*** Несколько непонятно в устах Алляция это разделение Агмония и Юния. Насколько известно, *Nadabus Agmonius* — это псевдоним Франциска Юния, под которым он и издал *de officiis* Псевдо-Кодина — издание, о котором идет речь в письме Алляция: *Sapientissimi curopalatae de officialibus palatii Constantinopolitani ex bibliotheca Julii Pacii. Lugduni, 1588.*

**** Имеется, очевидно, в виду издание: *Georgius Codinus curopalata De officiis etc. studio J. Gretseri. Parisiis, 1625* (с латинским переводом и комментарием).

II

Мой достопочтенный, многоуважаемый падре во Христе,

Чтобы окончательно убедиться в своем мнении о Феодоре Гераклийском, мне не остается ничего другого, как посмотреть рукопись названного автора о псалмах, которая, как мне сообщают некоторые мои соотечественники, — греческие писатели, находится в Bibliotheca Atempriana здесь, в Риме, и все было бы уже для меня ясно, но эта библиотека оказалась недоступной. До сих пор мне не удается получить разрешение на доступ, возможно, что со временем и через посредство отца Микеле это и получится. Великим несчастьем наших времен, которые можно сравнить разве только с какими-нибудь варварскими, являются сокрытие и утайка подобных сокровищ, приносящие столько вреда почтенной публике. И большой неудачей писателей является то, что они, к великому их несчастью, находятся в зависимости от друзей, что хуже, чем оказаться в зависимости от недругов. До сих пор не могу понять, что полезного для всех этих столь вредных *библиографов* в том, что они стремятся показать себя столь упорными в деле, которое явно не для них, и что хорошего в том, что ничего, кроме срама, из этого не может получиться.

Ваш хронограф гораздо более интересен, чем я себе представлял, краткий в своей повествовательной части и обильный во многом, что не находят совсем [в других источниках], и в частности в тех местах, в которых говорится о каком-то пилигриме. Ясно, что это сборник, собранный из многих авторов второстепенным писателем, которому они показались более подходящими ко времени. Язык низкий и во многих местах хуже, чем очищенный вульгарный язык, которым пользуются ныне в тех областях Греции, где еще есть какая-то культура, а нередко и отвратительный, ибо, говоря на вульгарном диалекте, автор симулирует хороший эллинский, к которому у него, однако, мало чутья и который немало ему докучает. А еще у него столько, так сказать, педантизма, но вся эта занудность сильно смягчается разнообразием сведений. Обычная, впрочем, вещь и у всех прочих поздних писателей, что писали на подобном языке, которые, желая выйти из рамок обычного, а может быть, не удовлетворяясь разговорным языком, при письме стремятся проявить себя знатоками, а потому не пишут [своих сочинений] на языке, на котором пишут в повседневной жизни, и подрывают тем самым истинную литературу, не достигая навыка педантов, каковыми они сами себя считают, когда и в свою речь и в свое письмо вводят какие-то латинские слова или целые обороты — скучнейшая вещь для того, кто это чувствует. И если бы только они не говорились из желания изменить облик [сочинения?]. А этот автор гораздо менее других [может быть обвинен в этом]: он менее варварский, менее жеманный, и от него можно многое почерпнуть о языке. И могу сказать, что если бы Меурсий располагал этим сочинением, то он бы значительно обогатил свой «Лексикон» *****. Что мне особенно приятно, так это то, что автор набожный и, насколько можно понять, сочувствующий римской церкви, когда он плохо отзывался о врагах последней, как это ясно видно в «Истории» патриарха Фотия. Сейчас я больше, чем прежде, сомневаюсь, является ли этим автором Кодин, потому что, как мне кажется, Кодин более изысканный и менее варварский, хотя и он достаточно варварский. Тем более, что приложение в виде трактата о постройке храма св. Софии, неоднократно публиковавшегося под именем Кодина, отличается по красноречию от этого, хотя по содержанию, структуре и манере такое же. Если только не хотим сказать, что автор написал его с большим обеспечением (?),

***** Имеется в виду, несомненно, издание: *J. Meursius. Glossarium graeco-barbarum. Lugduni, 1614.*

и для несведущих, и для знатоков, — вещь, на мой взгляд, невозможная. Сомнительно, чтобы этот Георгий, обозначенный в конце под именем письма, был еще и автором: ἐτελειώθη ὁ παρὼν χρονογράφος εἰς δόξαν θεοῦ διὰ χειρὸς καίμοῦ ἀμαρτωλοῦ Γεωργίου ἐκ τῆς Κωνσταντινουπόλεως διὰ συντροπῆς. Поскольку я нашел в Баварском каталоге греческих рукописей упоминание о некоем Георгии Амартоле, греческом писателе в следующих словах: Georgii Hamartolo annales breves ex variis scriptoribus collecti ab exordio mundi usque ad imperium Constantini Leonis filii, предупреждаю, что слово «Амартол», неверно понятое автором каталога как фамилия, означает на самом деле «грешник», так что так и нужно было переводить, ибо многие имели привычку заимствовать этот эпитет из чувства самоуничижения. Помню, например, что я вычитал у одного писателя Ἰωβίου ἀμαρτωλοῦ περὶ μυστηρίων, но также и у других. Можно было бы сказать, что как в Вашей хронике недостает стольких императоров, она также недостаточна и в той части, которая начинается с возникновения мира, причем вследствие погрешности не автора, а писца, и раз уж заговорили о погрешности, следует помнить, что в этой Вашей хронике опущены жизнеописания тех императоров, о которых пространно писал «Житие» Иоанна Куропалата по имени Скилица, автора достойного и добропорядочного. Возможно, что автор Вашей хроники не пожелал прикладывать рук к той части «Истории», которую Иоанн так изысканно обработал. Сознываясь в заключение, что я скорее запутал, чем разъяснил Вам вопрос, и что, говоря по правде, чем я больше ищу, тем меньше нахожу во всех этих материях, я не могу все же не коснуться снова Аполлона Дельфийского. Не знаю, предупреждали ли Вас, что автором большей его части, если не сказать всего целиком, является Константин Манасси, переведенный на этот язык. Стоит Вам верить, лишь слегка сопоставив [тексты], и Вы сразу увидите, что то, что я говорю, правда. Есть, конечно, кое-что, что у Манасси отсутствует, но это «кое-что» — очень небольшое. Так что такой же, как и он сам, является и эта книга, с именем автора или без оно, т. е. достойной, книга, которую видели и читали все любители истории как из-за тех достоинств, о которых я писал выше, так и из-за прочих, о которых у меня нет сейчас времени рассказывать Вам. Полагаю, что того, что я пока могу сказать, будет для Вас достаточно, потому что с Вашим умом и опытом в области занятий историей Вы прольете гораздо больше света на этот вопрос, чем удается мне. Однако, если мне посчастливится узнать что-нибудь еще, я сообщу Вам об этом, а пока извините за столь небогатую информацию, недостаточность которой тем больше, что она не дает того удобства, которое представляет обладание нужными книгами. Хотя в Ватикане их и изобилие, тем не менее non omnibus datum est пользоваться ими в свое удовольствие. . .

Рим, 3 июля 1626.

Ваш преданный слуга Леон Алляций.